

РЕЦЕНЗИИ

FASSIN D. (2013) ENFORCING ORDER: AN ETHNOGRAPHY OF URBAN POLICING. CAMBRIDGE: POLITY. 320 P.
ISBN 978-0-7456-6480-4*

Андрей Корбут

Научный сотрудник Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ
Адрес для корреспонденции: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация 101000
Email: korbut.andrei@gmail.com

Книга профессора Института перспективных исследований Принстонского университета Дидье Фассена «Наведение порядка: этнография городской полиции», представляющая собой авторизированный перевод на английский французского оригинала, вышедшего в 2011 году¹, относится к достаточно редкому жанру социологических текстов: этнографии полиции. Редкость подобного рода исследований связана прежде всего с сопротивлением материала: полиция всегда была и остается одной из самых закрытых для посторонних структур. Эта ситуация тем более парадоксальна, что, в отличие от всех прочих органов обеспечения безопасности, полиция постоянно находится на виду: с ней сталкиваются не только преступники и жертвы, но и огромное число самых обычных людей, например, когда они просто идут по улице. Формы этих контактов с полицией могут быть самыми разными: начиная с простого обмена взглядами и заканчивая убийством одной из сторон. Именно это заставляет социальных исследователей обратить внимание на повседневную работу полиции «на земле», которая и является отправной точкой книги Фассена. В первом же предложении своей книги Фассен связывает необходимость исследований полиции с теми взаимодействиями, которые происходят между полицейскими и обычными гражданами: «Начиная с Уоттса в Лос-Анджелесе в 1965 году и заканчивая Тоттенхемом и Лондоном в 2011 году практически все крупные городские беспорядки за последние полвека были результатом силового взаимодействия между сотрудниками правоохранительных органов и жителями неблагополучных кварталов, обычно приводившего к смерти молодого человека, принадлежащего к расовому или этническому меньшинству» (р. ix). Такая ситуация делает исследования полиции насущной академической задачей, но она же осложняет проведение подобных исследований, поскольку их результаты будут наверняка использоваться далеко за пределами академии самыми разными общественными группами с самыми разными целями. Поэтому любой исследователь полиции оказывается перед необходимостью нащупывания своей особой,

---

© Корбут А. М., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

* Работа подготовлена в рамках проекта Центра фундаментальной социологии ИГИТИ НИУ ВШЭ «Спонтанные и навязанные порядки социальной жизни: модусы взаимодействия и трансформаций».

1. *Fassin D.* (2011). *La Force de l'ordre: une anthropologie de la police des quartiers.* Paris: Seuil.

уникальной средней линии между полюсами «общественного мнения», которое склонно обвинять полицию в необоснованном насилии, нарушении законов, покровительстве своих, коррупции, расизме и т. п., и мнения самой полиции, которая обвиняет общественность в очернении образа полицейского, непонимании специфики его работы, раздувании мелких инцидентов и неблагодарности.

Дидье Фассен постарался выстроить свою «нейтральную полосу» в соответствии с тем материалом, с которым ему пришлось столкнуться. В основе книги лежит антропологическое исследование, проведенное автором, в то время — сотрудником Высшей школы социальных наук (Париж), в 2005–2006 и 2007 годах в одном из пригородных полицейских участков Парижа. Исследование совпало по времени с массовыми беспорядками в пригородах Парижа в октябре и ноябре 2005 года, однако действия полиции во время этих беспорядков почти не попали в книгу, в том числе потому, что автор был вынужден по просьбе полицейского руководства приостановить исследование на это время, а также потому, что район, обслуживавшийся этим участком, был относительно спокойным. Все последующие попытки Фассена (подробно описанные во введении) продолжить свое исследование провалились: обращения за разрешением к самым разным чиновникам, включая министра внутренних дел, ни к чему не привели. В этом смысле автору повезло начать исследование в удачный момент относительного и временного ослабления требования недопущения посторонних лиц внутрь полиции.

В центре внимания Фассена — деятельность специального подразделения, созданного в середине 1990-х годов: отряда по борьбе с преступностью (*brigade anti-criminalité*), который есть в любом полицейском участке Франции. Это элитное подразделение, в которое принимаются сотрудники, прошедшие специальный отбор. Оно подчиняется только руководителю отряда и начальнику участка. В отличие от рядовых полицейских, эти сотрудники полиции передвигаются на машинах без опознавательных знаков и не носят униформу. Их главная задача — патрулирование улиц в целях предотвращения преступлений и быстрое реагирование на поступающие сигналы. Хотя Фассен изучал работу и других подразделений, именно действия сотрудников данного отряда находятся в фокусе исследовательского интереса, что, безусловно, накладывает свой отпечаток на повествование, поскольку эти подразделения гораздо охотнее, чем обычная полиция, применяют силу и в целом славятся своей агрессивностью и брутальностью. Это не только известно жителям неблагополучных кварталов, которые с гораздо большей опаской относятся к отрядам по борьбе с преступностью, чем к обычной полиции (р. 56), но и заставляет некоторых поступивших в отряд менять смену внутри отряда (отряд работает в ночную и дневную смены, и работающие в ночную смену значительно чаще прибегают к насилию и агрессии) (р. 205) или вообще переводиться в другие подразделения. Соответственно, выводы, которые делает Фассен о работе полиции, следует всегда соотносить с тем, какой материал он изучает. Для его изучения он использовал традиционные этнографические методы: интервью, наблюдение, анализ документов, но главное — он отправлялся на патрулирование улиц вместе

с полицейскими, наблюдая за их рутинной, повседневной работой. В книге приводятся подробные описания десятков эпизодов, свидетелем которых он был.

В результате наблюдения за повседневной полицейской работой Фассен обнаруживает, что распространяемые медиа представления об этой работе радикально отличаются от обыденной практики. Ключевым словом для описания полицейской рутины оказывается «скука»: по подсчетам автора (р. 67), примерно 10 % (редко — 20) своего времени полицейские тратят на реагирования на вызовы, а все остальное время они занимаются патрулированием и заполнением бумаг. Патрулирование при этом проходит в основном без каких-либо событий, что накладывает свой отпечаток на готовность полицейских быстро (и с заметной радостью) реагировать на поступающие сигналы или совершать досмотры на улицах, просто чтобы «размяться».

На протяжении семи глав, составляющих основной текст книги, автор анализирует различные аспекты деятельности полицейских «на земле», помещая их в более широкий контекст как аналогичных исследований полиции в других странах, так и политических и социальных процессов, с которыми неразрывно связаны полицейские практики. По мнению Фассена, такая контекстуализация позволяет взглянуть на действия полицейских в широкой перспективе, не ограничиваясь мелкими деталями интеракций (р. 166–167). В то же время порой это делается в ущерб собственно этнографическому описанию. Например, в главах «Ситуация» и «Политика» основное место отводится анализу не наблюдавшихся автором событий, а статистики и сообщений СМИ.

В целом обсуждаемые автором темы (насилие, дискриминация, политика, мораль) — это не темы, которые релевантны для самих полицейских. Скорее, это повестка дня «общественности». Поэтому в книге постоянно чувствуется некоторый перекокс: несмотря на стремление следовать за этнографическим материалом и соблюдать нейтральность в отношении изучаемой группы, автор чаще всего выступает на стороне «жертв». Описывая тех, кто оказывается объектом внимания и действий полиции, он использует термины вроде «ни в чем не виноватые», «ничего не делали», «спокойно разговаривали», «просто ехал», «стояли», «не совершали никаких преступлений». Разумеется, Фассен не утверждает, что все эти люди невиновны, но он тем не менее показывает, что в большинстве ситуаций полицейские не имеют никаких оснований для проведения досмотра или задержания, помимо своего изначально сформированного мнения о том, что обладатели определенного цвета кожи, носящие определенную одежду и находящиеся в определенном месте в определенное время являются потенциальными или реальными правонарушителями или преступниками. Это ведет к тому, что автор называет ситуации контакта полиции с населением «театром правопорядка» (р. 108), т. е. воспринимает их как срежиссированные определенным образом сцены, цель которых зачастую заключается в демонстрации полицейскими своей власти и силы.

Впрочем, у понятия «театр правопорядка» есть и другой источник, гораздо более важный. Центральной нитью всей книги Фассена является различие между

общественным и социальным порядком. Отталкиваясь от предложенной Ричардом Эриксоном² формулировки задачи, решаемой полицией, как «воспроизводства порядка», Фассен утверждает: «...остановки и досмотры репрезентируют чистые отношения власти, функционирующие в качестве призыва к порядку, но не к общественному порядку, которому молодежь, спокойно беседующая, сидя на скамейке, или весело играющая в футбол, ничем не угрожает, а к социальному порядку — порядку неравенства (между полицией и молодежью) и несправедливости (по отношению к закону и просто человеческому достоинству), который должен быть впечатан в тело» (р. 92). Это ключевое различие пронизывает все описания реальных взаимодействий между полицией и жителями пригородов, наиболее частой формой которых являются «остановка и досмотр». На многочисленных примерах автор показывает, что в этих ситуациях, которые для полицейских являются настолько нормальными, что они не скрывали их от исследователя, можно обнаружить очевидные проявления дискриминации. Хотя автор старается быть осторожным в своих выводах и отмечает, что полиция воспринимает дискриминационные практики иным образом, нежели сторонние наблюдатели, обсуждение им проблемы дискриминации основывается на желании выяснить, есть ли дискриминация «на самом деле» (он приходит к выводу, что она «есть»). Заимствуя у Майкла Бэнтона³ различие дискриминации, основанной на предрассудках, и дискриминации, основанной на вероятности (т. е. дискриминации, определяемой вероятностью совершения преступлений представителями той или иной группы) (р. 152), Фассен показывает, что хотя полиция заявляет либо об отсутствии дискриминационных практик в деятельности ее сотрудников, либо о том, что чрезмерная представленность среди останавливаемых и задерживаемых молодых людей мужского пола, принадлежащих к определенным этническим группам, отражает лишь повышенный уровень преступности в этих группах, на самом деле часто за остановками и досмотрами на улицах стоят именно предрассудки, основанные на стремлении к поддержанию социального порядка.

Разница между общественным и социальным порядком объясняет, почему полицейские часто применяют чрезмерную силу в процессе досмотров и задержаний. По мнению Фассена, полиция тем самым пытается «преподать урок» (р. 198) «преступникам» прямо на месте, не доверяя судьям, которые в дальнейшем будут решать судьбу задержанного. Полицейские считают, что правовой порядок второстепенен («право всегда подчинено порядку», р. 71) и в каком-то смысле мешает их задаче борьбы с преступностью, которая (борьба) рассматривается не как юридический, а как социальный феномен, требующий совершения действий, которые должны отбить охоту у задержанных или у свидетелей задержания нарушать порядок в дальнейшем. Тем самым каждая интеракция полиции с рядовыми

---

2. Ericson R. V. (1982) *Reproducing order: a study of police patrol work*. Toronto: University of Toronto Press.

3. Banton M. (1983). *Categorical and statistical discrimination // Ethnic and Racial Studies*. Vol. 6. № 3. P. 269–283.

гражданами определяется не только предрассудками относительно определенных групп населения, но и представлениями о том, какова функция полиции в целом и как она может выполняться в существующих условиях, когда судьи придираются к каждой мелочи и отпускают преступников, а журналисты очерняют полицию и обвиняют полицейских в несправедливости и жестокости. К этим двум источникам, определяющим форму реальных взаимодействий полиции и населения, добавляется еще и чисто институциональное давление, связанное с текущей политической конъюнктурой: необходимость производить определенные «цифры», показатели задержаний и раскрытий преступлений. Если дискриминационные практики позволяют объяснить, кто именно оказывается предметом внимания полиции, а представление о миссии полицейских — как разворачиваются конкретные интеракции, то «цифровая» система объясняет, почему чаще фиксируются преступления определенного типа. С точки зрения раскрываемости наиболее удобными являются два типа преступлений: связанные с оборотом наркотиков и связанные с нарушением миграционного законодательства. Их высокая раскрываемость обусловлена легкостью персонификации преступника (преступник ловится в момент преступления или даже сначала ловится преступник, а потом выясняется, что он совершил). Например, досмотры людей в определенных местах в определенное время или остановки определенных водителей и машин дают почти гарантированный результат. Совместное действие всех трех указанных факторов ведет к тому, что белых подростков из среднего класса полиция или вообще не трогает, или отпускает, даже если находит у них наркотики, в то время как на подростков-арабов или африканцев надевают наручники, отвозят в участок и держат там до утра просто за то, что они оказались неподалеку от места совершения преступления.

Как можно видеть из сказанного выше, этнографические подробности работы полиции интересуют Фассена лишь в той мере, в какой они связаны с проблемными ситуациями, имеющими широкое общественное значение. Из книги мы не узнаем, например, чем занимаются полицейские во время долгих часов патрулирования, или какого типа бумажную работу они вынуждены выполнять. Но в то же время мы можем почитать подробные описания того, как полиция унижает жителей неблагополучных районов, отпускает расистские шутки, поддерживает политические лозунги крайних правых или создает аварийные ситуации по дороге к месту преступления. Антропология Фассена — это, как он сам ее называет, «публичная антропология» (р. 223), неразрывно связанная с вопросами демократии. Это одновременно делает автора нечувствительным к определенным темам, которые он воспринимает как данность (вроде повседневных истоков, способов производства и способов обоснования того, что он называет «неравенством», «несправедливостью» и «дискриминацией»), и чувствительным к другим темам. Одна из таких тем — риторика, которую используют политики и полицейские для описания деятельности полиции. Фассен фиксирует появление и распространение в последние годы военной риторики (р. 36–41): все чаще говорят не «борьбе», а о

«войне с преступностью», «войне с наркоторговцами», «войне с организованными преступными группировками». Функция такой риторики заключается в том, что она обосновывает необходимость полиции как важнейшей организации в ситуации «необъявленного чрезвычайного положения» (р. 221), в которой правовое регулирование деятельности полицейских отходит на второй план. Нормы права становятся в такой ситуации или помехой, или прикрытием (Фассен, например, описывает, с какой радостью полицейские воспринимают новость о том, что кто-то из них обнаружил в законодательстве пункт, под который они могут подвести действия того или иного «преступника» (р. 71)). Чрезвычайное положение требует чрезвычайных мер, которые предполагают расширение права на легитимное применение силы. Насилие при этом начинает восприниматься не просто как физическое принуждение, но прежде всего как морально-психологическое давление, призванное поддерживать социальный порядок как моральный порядок. Наведение порядка становится более приоритетной задачей, нежели «поддержание мира» (р. 216). В результате общество (точнее, определенные его сегменты, но в идеале — все общество в целом) становится «врагом», а полиция — «жертвой»: «...виктимизация полиции была реакцией на криминализацию общества» (р. 192).

Парадоксальность этого необъявленного чрезвычайного положения, которую Фассен никак не объясняет, состоит в том, что население при этом выражает очень высокую степень доверия полиции: согласно опросу 2011 года, 74 % французов доверяют полицейским (р. 262). Почему, если французы из неблагополучных районов столь часто сталкиваются с необоснованным применением силы против них, они продолжают доверять полиции? Отсутствие ответа заставляет усомниться либо в данных опросов, либо в том, как Фассен реконструирует деятельность полиции. Разумеется, такое расхождение может говорить и о своеобразном «расщеплении» в восприятии полиции, которое оказывается состоящим из двух частей: восприятия полиции в ситуациях непосредственного контакта и восприятия полиции как единственной инстанции, в которую можно обратиться в случае возникновения угрожающей ситуации. Но как указывает сам Фассен, такое расщепление маловероятно, поскольку агрессивное или дискриминирующее поведение полицейских ведет к появлению общей негативной установки в отношении полиции в целом: во многих случаях (как и в том случае, который стал причиной массовых беспорядков в Париже в 2005 году) подростки при виде полиции просто убегают, даже если они ничего не совершили. Следовательно, тут должен действовать какой-то еще фактор, не нашедший отражения в книге.

Несмотря на указанные недостатки, книга является важным вкладом в исследование современной полиции, поскольку позволяет показать, каким образом многие структурные проблемы полиции воплощаются в повседневной практике и как эти проблема осмысляются непосредственными участниками взаимодействий между полицией и рядовыми гражданами. Проследивая цепочки, связывающие мимолетный взгляд патрульного полицейского на подростка, стоящего на автобусной остановке, и предвыборную риторику Николя Саркози, Фассен прочер-

чивает смысловые линии там, где непосредственные участники эти линии или не замечают, или пытаются скрыть.

К сожалению, в отечественных социальных науках аналогов таких исследований до сих пор нет. Можно указать лишь два исследовательских проекта, которые основаны на этнографических данных: «Профессиональный „жизненный мир“ сотрудников МВД: повседневная жизнь, дискурсивные практики и медиа-образы» (2011–2012, исполнитель — Екатерина Ходжаева (Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева))⁴ и «Милиция и этнические меньшинства: практики взаимодействия в Казани и Санкт-Петербурге» (2006–2008, совместный проект Института социальных исследований и гражданских инициатив (Казань) и Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург))⁵. Кроме того, можно отметить проект «Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро» (2005–2006, исполнитель — Автономная некоммерческая организация «Юристы за конституционные права и свободы» (ЮРИКС))⁶, в основе которого лежали наблюдения за деятельностью сотрудников милиции в метрополитене. Столь небольшое число этнографических исследований полиции в России, помимо объективных причин (традиционная закрытость полиции, слабое финансирование социологических исследований, общее плачевное состояние российских социальных наук), связано, вероятно, еще и с тем, что проблемы российской полиции не вызывают такого резонанса, как в странах Западной Европы и США. Массовые беспорядки последних лет в России редко когда были спровоцированы действиями полицейских (за исключением, возможно, беспорядков на Манежной площади в 2010 году, хотя там действия полиции были лишь один из существенных факторов), и наоборот — действия полицейских, вызывавшие широкий резонанс в СМИ, не приводили к серьезным беспорядкам (достаточно вспомнить случай с майором Евсюковым и инцидент с пытками в казанском ОВД). Кроме того, ситуация отличается еще и более низким уровнем поддержки полиции: согласно данным опроса, проведенного ВЦИОМ в конце 2013 года, 46 % опрошенных выражают доверие полиции⁷, что может свидетельствовать как о гораздо более серьезных проблемах внутри российской полиции, так и о негативном образе полиции в глазах россиян, но и в том и в другом случае это может вести к еще большему замыканию полиции и ограничению доступа к ее «внутренней кухне». Все эти факторы сказываются на количестве этнографических исследований полиции в России, хотя, как показыва-

---

4. Результаты опубликованы, в частности, в: Ходжаева Е. (2011). «Частное» и «публичное» в пространственной организации повседневных практик участкового (опыт этнографического описания) // *Laboratorium*. 2011. №4. С. 18–52.

5. Результаты проекта опубликованы в сборнике: Воронков В., Гладарев Б., Сагитова Л. (Ред.). (2011). Милиция и этнические мигранты: практики взаимодействия. СПб.: Алетейя.

6. Результаты исследования опубликованы в: ЮРИКС. (2006). Этнически избирательный подход в действиях милиции в московском метро. М.: Новая юстиция.

7. ВЦИОМ. (2013). Пресс-выпуск № 2449 «Полиция и общество: оценка, отношение, доверие». URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114595>. Дата доступа: 10.01.2014.

ет сравнение книги Фассена с российскими публикациями, очень часто можно обнаружить общность российских и западных повседневных полицейских практик и проблем. Проблема дискриминации, проблема «палочной системы», проблема чрезмерного и неоправданного применения силы, проблема необоснованных задержаний на улицах представителей этнических меньшинств, проблема зависимости деятельности полиции от политической ситуации, проблема круговой поруки и многие другие характерны не только для российских правоохранительных органов, но и для полиции других государств. Это общее основание позволяет использовать результаты (прежде всего — концептуальные) исследования Фассена применительно к российской реальности, пока у нас не появится достаточное количество этнографического материала, чтобы разрабатывать новые концептуальные схемы и находить новые понятия для описания российской полиции.